

Последний весенний дождь был долгим и морозящим. Когда наконец выглянуло солнце, температура резко подскочила, а из древесных щелей донёлся неумолчный стрекот цикад, наслаивающийся один на другой.

Юй Пань завёл привычку раз в неделю отправлять рукопись по почте. Стопка писем с отказами становилась всё толще. Он помечал каждое датой; со временем, когда писем стало много, редакторы начали присылать ему краткие замечания.

«Недостаточно деталей», «персонажи прописаны слабо» — поначалу эти слова резали глаз, но со временем он привык и даже немного онемел к ним.

Сегодня днём юноша снова отправился в книжную лавку, прихватив бумагу и ручку. Проходя мимо почтового ящика, он остановился. Железный короб раскалился на солнце, а из нижней щели виднелся жёлтый уголок. Внутри действительно лежал конверт из крафтовой бумаги.

На ощупь он был таким же толстым, как и тот, что он отправлял.

— Опять вернули? — старик из книжной лавки сидел в плетёном кресле и обмахивался веером. Увидев гостя, он даже не поднял век.

Юй Пань кивнул и вскрыл конверт, доставая бланк отказа. В этот раз редактор сменился, и замечаний стало больше: «Чувствуется атмосфера жизни, но повествование затянуто. Рекомендую сократить диалоги и сосредоточиться на основном конфликте».

Сложив письмо обратно, юноша достал блокнот и быстро написал:

«Мне кажется, что в этих бытовых разговорах, если убрать хоть одну деталь, всё перестанет быть настоящим»

Старик отложил веер и пролистал его новую рукопись.

— Жизнь — это жизнь, а в рассказе нужно уметь выбирать главное.

Юй Пань задумался. Перечитав текст, он вычеркнул то, что показалось ему лишним, и снова показал старику. В этом деле он был упрям. Юноша мог бы попросить старика отредактировать всё за него, но не хотел — так же, как не брался за новую книгу, пока не дочитает прежнюю. Он считал, что должен сам разобраться в своей истории, чтобы она чего-то стоила.

Когда он возвращался, закат окрасил полнеба в оранжевый цвет, и каменная мостовая светилась тёплым светом. После ужина юноша не пошёл домой, а сел на ступеньки у лавки,

чтобы насладиться прохладой.

В руке он сжимал два мятных леденца, которые дала ему старушка во время еды. Юй Пань специально ушёл из дома с конфетами, боясь, что иначе не сдержится и съест их в одиночку, не дождавшись Шэнь Яньчжоу.

Он то и дело поглядывал на время — брат уже должен был вернуться.

И точно, вскоре показался велосипед. На руле висела туго набитая сумка. Юй Пань вскочил и, развернув леденец, поднёс его к губам мужчины.

Тот перехватил конфету. Прохладная мята растеклась во рту, и Шэнь Яньчжоу неясно улыбнулся:

— Старушка опять угостила тебя сахаром?

Юй Пань кивнул и показал:

«Дала две. Я боялся, что в доме не удержусь, поэтому ждал тебя здесь»

Шэнь Яньчжоу завёл велосипед во внутренний дворик и пристегнул его, а затем, склонившись к самому уху юноши, ласково потерся об него щекой:

— Умница.

От его дыхания стало щекотно. Юй Пань со смехом отстранился, но продолжал крепко держаться за руку брата. Так, поддразнивая друг друга, они поднялись наверх.

В сумке оказались свежие зелёные бобы. Шэнь Яньчжоу высыпал половину в воду для промывки.

— Сегодня сварим суп из зелёных бобов.

Юй Пань от радости подпрыгнул на месте.

— Но раз ты уже съел конфету, — тон мужчины стал строгим, — сахара в суп я положу совсем немного.

«Хорошо, хорошо», — быстро показал юноша, не сводя глаз с замачиваемых бобов.

Дела у инженера Шэнь шли всё лучше. Иногда ему приходилось уезжать в командировки на два-три дня. Каждый раз он привозил Юй Паню что-нибудь необычное: то стеклянные шарики с картинками внутри, то тянучки с арахисом из Цзянши, такие сладкие, что липли к зубам. А однажды он привёз глиняный свисток в форме птички. Если в него дунуть, он издавал звонкое «цзю-цзю». Свисток был гладким и округлым; юноша долго вертел его в руках, поглаживая, и никак не мог выпустить.

Иногда Юй Пань ездил вместе с ним на заднем сиденье. Тань Мин в дороге постоянно подшучивал над ним, но парень делал вид, что не слышит, сосредоточенно глядя на руки Шэнь Яньчжоу, лежащие на руле.

Красивые.

Когда он не смотрел на брата, то наблюдал за пролетающими мимо тенями деревьев и далёкими холмами, похожими на спящих быков. В больших городах Шэнь Яньчжоу учил его узнавать дорожные знаки и сигналы светофора.

Если же он оставался дома, то правил рукописи за столом. Устав, подходил к окну и смотрел, как внизу дети бегут за трёхколёсным велосипедом мороженщика под звон его колокольчика.

Он ходил со старушкой на рынок, а когда та сушила овощи для засолки, пытался помочь. Но та лишь ворчала, что он неуклюжий, и просила отойти, чтобы не мешать работе. Тогда Юй Пань обиженно садился на табурет и просто наблюдал со стороны.

Когда Шэнь Яньчжоу возвращался, от него всегда пахло по-новому. Иногда — слабым табачным дымом: это Тань Мин курил в машине, сам брат к табаку не прикасался. Иногда — речной прохладой и рыбой. Это означало, что по дороге они заехали к реке и, если было время, ставили сеть. Улов обычно был скромным — мелкая рыбка да креветки, но старушка жарила их до такого хруста, что можно было разжевать даже косточки.

В последний день июня Шэнь Яньчжоу вернулся с работы очень рано. В руках он нёс большой ящик, накрытый красной тканью.

— Премия лучшему работнику от завода, — он сдёрнул ткань, открывая темно-серый вентилятор.

Прибор был высотой примерно в три поставленные друг на друга книги, с синим основанием и четырьмя кнопками. Юй Пань замер: он видел такие только в Снабсбыте.

Шэнь Яньчжоу включил его в розетку. Лопасты зажужжали, и прохладный поток воздуха ударил в лицо, взлохматив пряди на лбу юноши.

— Осторожнее, затянет волосы, — усмехнулся Шэнь Яньчжоу, мягко отводя голову Юй Паня в

сторону.

Тот послушно отодвинулся, но тут же возмущённо показал на свою голову:

«Мои волосы та-а-акие короткие! Как их может затянуть?!»

Мужчина рассмеялся и ущипнул его за щёку.

— Всё равно нельзя, если дуть прямо в голову, она разболится.

В тот вечер они купили огромный арбуз и поставили его охлаждаться под струю воздуха от вентилятора. Шэнь Яньчжоу разрезал его: ярко-красная мякоть с чёрными семечками, сладкий сок так и стекал по рукояти ножа.

Они сидели на маленьких скамейках и ели арбуз ложками. Вентилятор разносил сладкий аромат по всей комнате. Юй Пань ел торопливо, и сок пачкал всё его лицо.

— Ешь медленнее, никто не отнимет, — негромко сказал Шэнь Яньчжоу, вытирая ему подбородок полотенцем.

Юноша с набитым ртом послушно кивнул.

Дни текли неспешно до самой середины июля. С приближением Праздника духов торговля петардами снова пошла в гору, и Шэнь Яньчжоу стал занят сильнее обычного.

За два дня до праздника жара стала невыносимой. Воздух казался липким и густым. Юй Пань сидел за столом перед чистым листом бумаги, обмахиваясь веером и чувствуя себя как в огромной пароварке. Из-за этой духоты за последние полмесяца он едва осилил один рассказ.

Когда Шэнь Яньчжоу вернулся, его рубашка на спине насквозь промокла. Юй Пань только закончил ужинать и удивился, почему тот пришёл так рано. Не успел он ничего спросить, как брат, поздоровавшись со старушкой, увёл его в комнату.

Войдя, он достал из сумки плотный конверт:

— Зарплата за этот месяц. Спрячь.

Юноша привык хранить деньги брата, но толщина конверта его поразила. С тех пор как Шэнь Яньчжоу перевёлся на новую должность, его заработок заметно вырос.

Мужчина снял короткую рубашку, обнажив крепкие плечи, и надел чистую.

«Ты ещё куда-то уходишь?» — спросил Юй Пань.

— Да, на фабрику поступил срочный заказ для соседнего уезда. Нужно ехать прямо сейчас.

«Когда вернёшься?»

— Ночью, — Шэнь Яньчжоу поцеловал его в кончик носа. — Ложись спать, не жди меня.

«И не подумаю», — надув губы, показал юноша и демонстративно отвернулся к вентилятору.

Мужчина со смехом наклонил голову, целуя его в губы:

— Хорошо-хорошо, не жди. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

Пока они ждали приезда Тань Мина, Шэнь Яньчжоу просматривал накладные. Юй Пань сидел рядом и наблюдал. Вдруг брат что-то вспомнил и достал из сумки шоколадную конфету.

Тань Мин недавно ворчал, что его младший брат клянчит шоколад, да не какой-нибудь, а «Цзинь Туцзы». А они дорогие — по пятьдесят центов за штуку. Шэнь Яньчжоу запомнил это и, закончив сегодня пораньше, специально зашёл в Снабсбыт купить две штуки.

Конфета была обернута в фольгу с наклейкой «Цзинь Туцзы». Из-за жары по дороге она подтаяла. Шэнь Яньчжоу нахмурился, заметив коричневые пятна на обёртке, и уже замахнулся, чтобы выбросить её в мусорное ведро.

Юй Пань мгновенно перехватил его руку и показал:

«Не надо выбрасывать!»

— Послушай, она могла испортиться, — попытался уговорить его брат.

«Её можно есть, — настаивал юноша. — Старушка давала мне такую же, она тоже немного подтаяла».

Шэнь Яньчжоу прищурился:

— И когда это она тебя угощала?

Юй Пань покраснел. Старушка дала ему сладость тайком и строго-настрого запретила рассказывать об этом.

— Ах ты, Паныпань, — мужчина отложил шоколад и, притянув юношу к себе, легонько сжал его щёки. — Уже научился секреты от меня скрывать?

От этих щипков губы Юй Паня смешно выпятились, и он промычал:

«Я виноват, брат».

Конечно, Шэнь Яньчжоу не сердился. Он лишь боялся, что тот испортит зубы, поэтому всегда строго дозировал сладости, выдавая их по несколько штук из жестяной коробки. Он знал, что у Юй Паня не всегда хватает самообладания, когда дело касается еды.

Он отпустил его и погладил большим пальцем покрасневшую щёку:

— В будущем, если захочешь чего-то, просто скажи мне.

Юй Пань кивнул.

Они ещё немного посидели в обнимку, пока внизу не раздался гудок — приехал Тань Мин. Шэнь Яньчжоу ещё несколько раз поцеловал юношу и, уткнувшись лицом в изгиб его шеи, крепко прижал к себе, прежде чем уйти.

Юй Пань тяжело дышал, прижавшись лбом к его носу. В комнате работал вентилятор, спасая их от пота.

— Ложись сегодня пораньше. Проснёшься — и я уже буду дома.

Юноша энергично кивнул и напоследок потерся щекой о его грудь.

Когда Шэнь Яньчжоу уходил, было ещё светло. Заходящее солнце отбрасывало его длинную тень. Юй Пань прильнул к окну, провожая взглядом грузовик, пока тот не скрылся за поворотом.

Он вернулся к столу, положил в рот кусочек шоколада и, взяв конверт с деньгами, пошёл в спальню. Деревянная шкатулка для сбережений стояла в самом низу шкафа. Он вытащил её и аккуратно распределил новые купюры по стопкам.

За это время брат и вправду заработал целое состояние. Раньше пачка денег в шкатулке была совсем тонкой, а теперь крышка закрывалась с трудом.

Юй Пань убрал тайник на место. Обернувшись, он увидел, что вентилятор всё ещё работает, обдувая комнату прохладой, словно заменяя собой ушедшего брата.

За окном всё так же неустанно стрекотали цикады, но Юй Пань чувствовал, что это лето уже не кажется таким уж невыносимым.

<http://bllate.org/book/15962/1691248>